

1280014

ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ» РСФСР
КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

В. П. ФЕДОРОВА

**НАРОДНЫЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
В СОВРЕМЕННОМ ЗАУРАЛЬЕ**

В помощь лекторам, учителям, работникам библиотек,
собирателям устной народной поэзии.

85.313(2)0

Ф 33

г. Курган, 1973 г.

85.313(2)0+

Ф33

ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ» РСФСР
КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

В. П. ФЕДОРОВА

НАРОДНЫЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
В СОВРЕМЕННОМ ЗАУРАЛЬЕ

В помощь лекторам, учителям, работникам библиотек,
собирателям устной народной поэзии.

12.00.014

г. Курган, 1973 г.

Курганская областная
библиотека
им. А. К. Югова

Книгохранилище

Народные лирические песни! Сколько в них чарующей прелести чувств! Наука разделяет такие песни на обрядовые и необрядовые. Первые связаны с различными обрядами: свадебными, родильными, крестильными и календарными. Необрядовые песни исполнялись в любое время года и в различных жизненных обстоятельствах. Они служили и служат задачам непосредственного выражения чувств, мыслей, интимных переживаний человека, раскрытию его внутреннего мира.

Темой нашей лекции являются старинные необрядовые песни, их судьба в Зауралье наших дней.

Лирические песни — один из самых популярных жанров народного поэтического творчества. В них отразилась многообразная жизнь народа, раскрываемая через мир человеческих чувств. Связь песен с действительностью отмечали многие исследователи этого жанра. В частности, А. М. Новикова назвала их «подлинной художественной энциклопедией жизни народа, искренней, задушевной и многообразной по содержанию».¹

Тесная связь с действительностью, обобщенность и правдивость чувств явились основой жизнестойкости песен, сохранности их в веках. Менялись образы, содержание, художественные приемы, стиль многих песен на различных этапах исторического развития народа, но жизнь песен никогда не прекращалась, интерес к ним не притуплялся. Песнями пронизана вся жизнь человека. «Весь круг жизненных насущных интересов охватывается в песне, сливается с нею, и без нее сама жизнь делается невозможна».²

-
1. А. М. Новикова. Русское народное поэтическое творчество. М., «Высшая школа», 1969, стр. 286.
 2. Н. А. Добролюбов. Избранные сочинения. М.-Л., Госполитиздат, 1947, стр. 413.

Время возникновения лирических необрядовых песен пока не установлено. Они не оставили материальных следов, а первые единичные записи их относятся лишь к XVII веку. Однако отнесение формирования жанра к этому времени кажется очень спорным.

Трудно себе представить, чтобы у русского народа на ранних этапах его развития не было песен, служивших «выходом для непосредственных душевных эмоций личного порядка».¹ Памятники древней русской литературы, в частности, «Слово о полку Игореве», убеждают в том, что лирические песни уже в первых веках русской истории были заметным явлением. Плач Ярославны — это лирическое, взволнованное, эмоциональное высказывание женщины XII века, не связанное с обрядом. О том, что в эпоху Киевской Руси бытовали песни увеселительного характера, говорят и негодующие голоса церковников, обличавших «сотонинские песни», звучавшие на игрища. На древнее происхождение лирической поэзии указывает и устойчивый стиль наиболее старых необрядовых лирических песен.

Народная лирическая песня в Зауралье

В Зауралье песенный русский фольклор был занесен переселенческим потоком. Наш край — первый район Сибири, который освоили русские крестьяне. В XVI—XVII веках Зауралье являлось своеобразными воротами Сибири, через которые шел мощный поток русских переселенцев. Можно назвать два решающих фактора, оказавших влияние на развитие лирических песен в Зауралье. Первый — близость горнозаводского Урала. Это вводило в зауральскую народную поэзию струю рабочего фольклора. Второй — отсутствие крупных городов, что во многом сдерживало рост «городских песен», или «романсов», которые создавались в среде городского мещанства, ремесленников и прислуги.

Первые поселения русских в Зауралье датируются серединой XVII века. Они располагались по Тоболу, Миасу, Исети. Следовательно, историю русских народных песен Зауралья можно проследить только с середины XVII века. С течением времени песенная кладовая пополнялась за счет

И. Н. П. Колпакова. Русская народная бытовая песня. М.-Л., АН СССР, 1962, стр. 113.

сложения местных произведений и тех, что приносили с собой людские волны, уходившие дальше на восток.

Собиратель зауральского фольклора ученый самоучка А. Н. Зырянов в середине прошлого столетия отметил широкое распространение песен в нашем крае и записал многие из них. Особенно мощно и красиво лились песни там, где собирались множество людей: на посиделках, праздниках, сборе хмеля. Песни пелись разные: веселые и грустные, частые и протяжные. Поля слышали хоровое пение и одиночные голоса. Пелись песни, звенели над речками, ручейками, озерами, долетали до могучих боров, а услужливое эхо возвращало их поющим.

Записи песен Зауралья прошлого столетия публиковались в центральных и местных изданиях. Наиболее интересные материалы собраны А. Н. Зыряновым¹ и А. Я. Кокосовым.² Много сделал в области сокращения местного песенного фольклора В. П. Бирюков.³

Основой для исследования современного состояния старинной песенной традиции в Зауралье служат записи, сделанные нами и студентами Курганского государственного педагогического института в 1969—1972 годах в Кургане, Далматовском, Притобольном, Кетовском и других районах области.

Собранные материалы свидетельствуют о том, что в зауральском фольклоре представлены почти все жанровые разновидности и тематические группы старинных лирических песен. Содержание их разнообразно, что соответствует многообразию человеческих чувств и «многогранному отражению самых различных сторон народной жизни в ее историческом развитии».¹ Все оттенки человеческих переживаний — «то разгулье удалое, то сердечная тоска».² — слышатся в народные песнях. Но тоска наших песен особенная: «это

1. А. Н. Зырянов. Песни, собранные в Шадринском уезде. «Пермский сборник», кн. I, М., 1859, стр 110—117.
2. А. Я. Кокосов. Круговые песни в селе Ушаковском. СПБ, 1869.
3. В.П. Бирюков. Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936; Урал в его живом слове. Свердловск, 1953.
1. А. М. Новикова. Народная лирическая песня. Издание МОПИ, М., 1960, стр. 5.
2. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. I, М.-Л., Академия 1936, стр. 469.

грусть души крепкой, мощной, несокрушимой». Она свидетельствует о несокрушимой духовной мощи народа.

В Зауралье нами записано более 300 песенных текстов, но многие из них извлекались из кладовой памяти специально для собирателей. В обычном же песенном обиходе круг стариных поющихся песен неширок, но устойчив. Их поют люди всех возрастов — и старики и молодежь. Устойчивость песенной традиции поддерживается вниманием к ней сельской художественной клубной самодеятельности. Так, в программу далматовского хора пенсионеров постоянно включаются старины русские народные песни. Любовно исполняемые, они привлекают внимание молодежи. Интересная фольклорная группа песен исполняется хором пенсионеров при Курганском дворце железнодорожников. В репертуаре хора с. Раскатиха Притобольного района обязательными были народные песни. Хор объединял людей разных возрастов. Старшее поколение передавало молодежи не только песни, но и любовь к ним. Молодежь здесь любит старины песни. Когда бывают свадьбы в Раскатихе, приглашают знатных «песельниц», которые «опеваются» всех участников свадебной церемонии. Очень любопытна реакция юношей и девушек на эти песни. Они слушают их с огромным вниманием и просят повторить, а полюбившиеся песни заучивают.

Седая древность

В зауральском крае пережили века и дошли до наших дней самые старые лирические песни. И не просто дожили, а продолжают волновать певцов и слушателей. Наиболее интересными представляются две из них. Первая связана со временем татаро-монгольского ига и носит название «Татарский полон». Она занимает промежуточное положение между историческими и лирическими песнями. В песне нет конкретно-исторического приурочивания к определенному событию, но она отразила боль и протест русского народа против поработителей — татар.

Песня записана дважды: от Г. И. Десятниченко (Курган) и П. А. Малышевой (Курган). Варианты отличаются по напеву и тексту. Г. И. Десятниченко, заучившая песню в

3. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, М., АН СССР, 1954, стр. 442.
4

детстве от бабушки, пела ее протяжно, как плач, как стон. В исполнении П. А. Малышевой звучал речитатив. Более интересным представляется текст, напетый П. А. Малышевой:

Как за речкою
Да за Дарьёю
Злы татарове
Дуван дуванили.
На дуваньице
Доставалася,
Доставалася
Теща зятю.
Как повез тещу зять
Во далеку степь,
Во далеку степь
К молодой жене.
Ну и вот, жена,
Тебе работница,
С Руси русская
Полоняночка.
Ты заставь ее —
Семь дел делати.
Первое дело —
Дитя качать,
Другое дело —
Кудело прясть;
А и третье дело —
Гусей пасти.
Полоняночка
Колыбель колышет,
Колыбель колышет,
Вот качает дитя,
Вот качает дитя,
Приговаривает:
Ты баю, баю,
Боярский сын,
Ты по батюшке —
Зол татарчоночек,
А по матушке —
Ты — фусеночек,
А по роду-то

Мне ты — внуchoочек.
Ведь твоя-то мать —
Мне родная дочь,
Семи лет она
Вс полон взята.

Песня эта известна в ряде публикаций.¹ В первой половине прошлого столетия один из вариантов ее записал М. Ю. Лермонтов, предполагавший использовать песню в поэме «Мстислав Черный»².

В Зауралье песня сохранилась потому, вероятно, что здесь долгое время продолжались столкновения с азиатами-кочевниками. Другая песня относится учеными к XVI веку и связывается с присоединением Казани к Московскому царству. Называется она «Соловей кукушку подговаривал». Песня широко известна в Зауралье, ее поют и молодые и старые. Нина Титова, В. И. Солдатченкова из Давыдовки, А. С. Тюленева из Раскатихи (Притобольный район) пели ее на один мотив. Текст тоже устойчив. Исполняется она как старинная, проголосная. Действительно, судя по рукописным и печатным материалам произведение было очень популярным в XVIII веке, не забывалось оно и позже. Песня была длинной и состояла из двух частей. В первой части повествовалось об уговорах соловья кукушки полететь в сырой бор гулять. Вторая часть, перекликаясь с первой, переносила слушателя к «колодезю студеному», у которого молодец уговаривал красну девицу пойти в «Казань-город гулять». Девица отказывалась и разоблачала обманщика-молодца, обещавшего несметные богатства Казани, которых в действительности уже не было.

В Зауралье сохранилась больше первая часть песни, отчего усилилось лирическое начало произведения и утратилась эпическая основа. События 1552 года ушли в прошлое, потеряли остроту, забылись, стали неинтересными, а потому рассказ о них опускался. Лиризм привлекал наших земляков, сохранивших песню:

Соловей кукушку подговаривал,
Подговаривал, все обманывал.
Ой, полетим, кукушка, в темный бор гулять,

Полетим, кукушка, в темный бор гулять,
Совьем себе гнездышко, выведем детей.
Совьем себе гнездышко, выведем детей.
Тебе куковенка — а мне соловья,
Тебе куковенка — а мне соловья,
Тебе для забавы — а мне для житья,
Тебе для забавы — а мне для житья,
Полетим, кукушка, полетим, родная.

Итак, за Уралом сохранились самые древние русские песни. Из поколения в поколение передавались они как национальное богатство.

Посмотрим, как в песнях нашего края отразились различные стороны народной жизни.

Великое множество русских лирических песен принято классифицировать по их идеально-тематическому признаку. Этот принцип позволяет выделить две самые большие песенные группы: 1) песни социально-исторического содержания и 2) бытовые песни.

Песни социально-исторической тематики — ценная и яркая страница народной лирики. Именно в них народ высказал свое мнение о рекрутчине и солдатчике, о социальном неравенстве и народной нужде, о крепостной неволе и притеснителях — барах и чиновниках. Но художественно-образная структура песен этой группы различна. Поэтому выделяются песни «разбойничьи» (удалые), тюремные, солдатские, бурлакские, ямщицкие, антикрепостнические и др.

Быт, нравы, чувства человека в народной лирике

В зауральском фольклоре среди песен названной группы наиболее хорошо сохранились песни солдатские. В них через чувства героя раскрыты тяжесть царской солдатчины, боль разлуки «молодца» с родом-племенем, со своими близкими — отцом, матерью, женой и детьми. Песни солдатские — наиболее драматические произведения народной лирики. Да это и понятно. Двадцатипятилетняя царская служба казалась бесконечной. Уходил человек служить царю молодым, а возвращался старым, больным, измученным. А многие совсем не возвращались под родные крыши. Бесчеловечная муштра, побои, военные походы, поле браны, разлука с домом, тяжесть ранений — все это обрисовано живо

1. Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 7, М., 1868, стр. 195.
2. М. Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. I, М., 1936, стр. 469—470.

и осязаемо. Потрясают боль и скорбь, наполняющие многие песни. Слушаешь их и невольно вспоминаешь слова Н. А. Некрасова о том, что

Ужас народа при слове «набор»
Подобен был ужасу казни.

Солдатские песни слагались непосредственно в самой солдасской среде. Формирование их относится к началу XVIII века, когда введена была Петром I обязательная служба. Но возникли они не на пустом месте. В основе их лежат древние песни о воине-коннике, вооруженном луком и стрелами. О раннем возникновении песен о воине-коннике свидетельствуют упоминаемые в них древняя форма общественной жизни — род, племя, а также древнейшие мифологические представления людей о способности животных понимать речь и чувства человека.

Таким образом, солдатские песни — это порождение XVIII века, основанное на более древних сюжетах. В некоторых их вариантах сохранились и до наших дней древние элементы, но в большинстве случаев они утрачены. Все внимание сосредоточено на переживаниях умирающего от ран солдата, на его глубокой тоске по родному дому. Умирает он в поле, совсем один. Только конь видит последние минуты жизни солдата. В некоторых вариантах совсем забыта старая роль коня, которому песенный герой поручал бежать на родную сторонку и нести известие о собственной смерти. Зато другие варианты этот сюжетный эпизод сохранили.

Чаще всего солдатские песни выбирали наиболее драматический эпизод — смерть на пути к дому. Именно этот сюжет лучше других сохранился в Зауралье. Его записывали многократно в разных районах Курганской области. В Куртамыше песню на этот сюжет великолепно поют супруги Собакины, в с. Першино Далматовского района С. А. Попова. Студентка Р. Копасова записала песню в с. Звериноголовском от О. М. Поповой, из с. Советского Куртамышского района привезла песню студентка Т. Максунова. Ее спели три женщины: А. Совлук, М. Кручинина и Н. Козлова. Известна песня в Раскатихе Притобольного района. Нам довелось ее слышать в хорошем исполнении Е. В. Левин-

кой. Хранится песня в основном в памяти пожилых людей. Она была особенно популярна в годы Великой Отечественной войны, когда горе и беды стучали в каждую дверь, когда каждая семья ждала своего солдата, беспокоясь о нем, волнуясь за его жизнь. Лучшим вариантом является першинский. Он занесен в Зауралье, повидимому, переселенцами с Украины.

За Кубанью за рекой
Там казак-от гулял,
Не один казак гулял,
Со товарищами.
Со товарищами да с милой сабелькой,
Да вострой сабелькой.
Из вострой-то сабли
Да огонечек он высекал,
Огонек он высекал,
Коню травоньку рвал.
Коню травоньку рвал.
И на огонь-от ее клал,
Да прикладывал,
Свои раночки казак
Да перевязывал.
Уж вы, раночки мои,
Тяжелы, тяжелы,
Да ко сердцу, раны, пришли,
Да сердце кровью обошли.
Перед смертью казак
Коню наказывал:
— Уж ты, конь, ты мой конь,
Развороный добрый конь,
Порви-ко, мой конь,
Да поводок шелковый.
Беги-ко, мой конь,
Да по дороженьке вдаль,
По дороженьке вдаль,
Да к отцу, матери родной
Отцу матери родной
Да ко новым воротам.
Встречала коня
Да любезна его жена.

—Уж ты конь, ты мой конь,
Да развороный добрый конь,
Ты скажи-ко, мой конь,
Да где хозяин твой?
—Хозяин-то мой,
Он женился на другой,
Жена-то у него —
Пуля быстрая,
Родимая мать —
Кровь горячая.

Интересно отметить, что в некоторых зауральских песнях широкие поля да еще «За Кубанью за рекой» заменены лесом, а солдат умирает под елочкой. Замена вызвана географическими условиями нашего края. Здесь больше лесов, поэтому место смерти «под елочкой» певцам казалось более реальным и понятным. Такой вариант был записан от Н. Л. Сутягиной (Курган), жившей раньше в Мокроусовском районе.

Из других солдатских песен назовем такие: «Под зеленою ракитой», «Знаю, ворон, твой обычай», «На взморье мы стояли».

Более широко в народной поэзии нашего края представлены песни на бытовые темы: любовные и семейные. По насту они чаще всего протяжные. В песнях этой группы широко показана народная жизнь с ее радостями и заботами. Характерной особенностью их является наличие бытового фона, на котором раскрываются чувства героя. Правда, фон обрисован штрихами, но настолько меткими, что картина жизни предстает перед глазами слушателя довольно ярко.

Любовные песни посвящены счастливой или несчастной любви. Традиционны и герои их — «девушка» и «молодец». Их чувство — вот зерно песен. Иногда вводятся второстепенные герои — подруги, товарищи, родители. Тональность песен зависит от состояния любящего сердца. Счастливой любви соответствует веселый характер, разбитое сердце выливается в тосклевые, грустные напевы. Чувства раскрываются через изображение переживаний героев.

«Молодец» или «девушка» в монологах или диалогах рассказывают о своей любви. Любовные, теплые отношения передаются с помощью постоянных эпитетов. Девушка име-

нется всегда «красной» (красивой), молодец — добрым. Покоряет их внешняя красота. Большую роль в раскрытии любовного чувства играет поэтическая символика. Любовные символы связаны с образами мира природы или мира стихий. Пожар, искра, свеча, горящее дерево — это символ любви. С таким же значением употребляется кипящая смола, огненная окраска ягод или плодов. Так как огонь тушат водой, поэтому вода, пролитая девушкой в присутствии милого, служит также одним из выражений любовного чувства. Замоченное платье, совместная стирка, полосканье белья с милым — все это используется для изображения счастливой любви.

С понятием горя связаны образы увядших цветов, мутной воды, разделившей любящих, сломанные, засохшие деревья, сухие желтые пески, тяжелые камни. Создаются поэтические образы в любовных песнях и с помощью художественного параллелизма, сопоставления человеческих чувств с состоянием природы.

Сохранилось немало интересных любовных песен в Зауралье. Одну из них напела Е. И. Третьякова из г. Далматова. Песня поется от лица покинутой девушки. Брошенная любимым человеком, она называет себя сироткой:

Сиротка-сиротка
Осталась одна,
Ой, плакать не смею,
Тужить не велят,
Только велят
Потихоньку вздыхать.
Ой вздохи, вы вздохи,
Тяжелы мон,
Сяду на лавку,
Печалюсь одна.
Скрою окошко —
Гуляет народ,
Много хороших —
Миленочка нет.

Уехал мой милый
Во Шадрин-городок,
Засватал невесту

Не лучше меня,
Не лучше, не краше,
Таку же, как я.

Очень интересная песня живет в наши дни в Варгашах. Напела ее О. П. Коробейникова. Песня покоряет искренностью чувства и болью неразделенной любви. Девушка стремится мыслью к милому, ей хотелось бы иметь «легки крылышки», чтобы полететь к нему, повидать его:

Не сидеть бы мне, не сидеть бы мне
Долго с вечера одной.
Лучше слить бы мне, лучше слить бы мне
Себе легки крылышки.
Легки крылышки, златы перышки.
Улетела бы, улетела бы к дружку вдаль.
Улетела бы, тут и села бы
При дороженьке при большой.
Люди добрые, люди добрые,
Научите, как и быть, научите говорить.
Научите-ко говорить,
Как мне милого позабыть.

Заканчивается песня уверениями девушки, что не забыть ей милого: он всегда у нее на уме, всегда «на крепких мыслях».

В д. Широково Далматовского района записана от А. И. Широковой веселая любовная песня о счастливой любви. Песня имеет сюжет. Чувства героев раскрыты в их диалоге и через символику и психологический параллелизм. О счастливой любви говорит и обстановка, на фоне которой изображается радость обоюдного чувства:

Я по травоньке шла,
По муравоньке шла,
На сер камешек ступила,
Чулок, башмак замочила,
Да не жаль мне башмака,
Жаль бумажного чулка.
Башмак тятечка сшил,
Чулок милый подариł.
—Уж ты мил, перемил,
Не вставай против меня,
Да не гляди, мил, на меня.

—Рад бы, рад бы не глядел,
Да рад бы, рад бы не глядел,
Да мои глазоньки глядят,
Да мои глазоньки глядят,
Да сполюбить тебя хотят.

О счастливой любви спела песню своей — молодости В. Д. Телякова (Далматово). В ней нет прямых высказываний о любви. Но о глубине ее узнаем через символику, портрет «молодца», эпитеты:

Шел милый по бережку,
Шел милый по бережку,
Шел милый по крутым бережку,
Нашел милый жердочку,
Нашел милый жердочку,
Нашел милый тоненъкую жердочку на воде.
Сам по жердочке пошел,
Сам по жердочке пошел,
Сам по жердочке пошел по тоненъкой.
Жердочка его погнулася,
Шапочка его свихнулася,
Шапочка его свихнулася со русых волос.
Увидала его девица,
Увидала его девица,
Увидала его красна девка из окна.
Сама ведерцы взяла,
Сама ведерцы взяла,
Сама по воду пошла со ведерками.
Почерпнула девка ведры,
Почерпнула девка ведры,
Почерпнула девка ведры новые...

Любовь не знает преград. Никакие домостроевые пэрядки не могут преградить путь влюбленным, если они тянутся друг к другу. В этом плане интересной представляется песня, недавно записанная от У. В. Лаврентьевой (Курган). Зауральский вариант — один из самых старых широко известных в народной лирике сюжетов. Можно предположить, что песня возникла в первой половине XVII века, когда свободно звучали гусли и скрипицы. Вторая половина XVII века прошла под знаком борьбы с искусством скоморохов, с народным искусством. В это время, конечно, не

могла сложиться песня, изображающая народное веселье под звуки гуслей. Думается, что песни, содержащие сравнение беседы влюбленных с нежными звуками гуслей и скрипицы, возникли на основе более древних, в сюжет которых входил эпизод с весельем под гуслицы. Такая песня сохранилась в нашем kraе.

Вот за горенкою, за околенкою,
Там за маленькой избенкой, за поленицей,
Там гуслицы играют и скрипицы говорят,
Там девчонки с молодцами разговаривают.
Для тебя я и у маменьки украдусь,
Украдусь я во заднюю дверь,
Украдусь я во заднюю дверь,
Во вторые ворота, во чужой огород,
И горесть по маменьке меня не возьмет.

В селе Давыдовка Притобольного района эта песня звучала несколько иначе. Во-первых, в ней гусли и скрипицы введены в качестве сравнения с голосами девушки и молодца. И, во-вторых, сюжетно песня длиннее — в ней повествуется о том, что девушка бежит в огород милого, где она призамешкалася:

Черну ягоду я брала, черносливу чистую,
Я в бело блюдо брала,
Клада на серебряный поднос,
На серебряный поднос,
Кто бы к милому поднес.

Широко представлены в Зауралье семейные песни. Чаще всего они посвящены чувствам замужней женщины, ее жизни в новой семье. Каждый день жизни молодки — пытка, замужество стало адом. Здесь и тоска по родному дому, и нелюбовь к старому мужу, и злоба новой родни. Чувства раскрываются на фоне типичных жизненных обстоятельств. Песни выбирают тяжелые жизненные конфликты, помогающие раскрыть драматические переживания герояев. Наиболее распространенной была песня: «Калина с малиной рана расцвела». Она дошла до наших дней в хорошей сохранности и записана в большинстве районов области. Лучшие варианты записаны от Н. П. Малковой, Р. Р. Андреевой (Курган) и В. Ф. Борисовой (Варгаши). В них рассказывается о жизни героини в новой семье, раскрывается тоска

ее о родных. Хоть и укоряет «молодушка» свою мать за то, что та выдала ее рано замуж, но мысленно летит домой пташечкой:

Калина со малиной рано расцвела,
Во ту пору времечко мать дочь родила,
Не собравшись с разумом, замуж отдала
Во дальнюю сторонушку, в чужие края.
Дальнняя сторонушка без ветру сушит,
Чужие отец с матерью без дела бранят.
Посылают бедную в мороз по воду,
Зябнут, зябнут ноженьки, стоя на снегу,
Прищипала рученьки к коромыслицу.
Не была я у матушки ровно три годка,
На четвертый годик пташкой улечу,
Горемычной пташечкой-кукушечкою,
Сяду я у матери в зеленом саду,
Своим громким голосом сад весь оглашу...

(Вариант Н. П. Малковой).

И. Д. Трущенков помнит песню о несчастной женщине, которую мать «породила на горюшко»:

Не в счастливый день, у пятницу,
Отдала замуж за пьяницу.
У кабак идеть — румянется,
С кабаку идеть — валяется,
А мне, молоде, да не хочется
Коло пьяницы ворочаться.

Тяжелая жизнь вызывает отчаянное сопротивление женщин. Скорбные, тосклевые ноты семейных песен прорываются протестом героини против домостроевских порядков. В одних песнях она «уходом» уходит на «гулянье» от мужа-старика, хотя и закрывает он ее в клеть. Молодица уносит платья-наряд с собой, переодевается у соседа в коноплях и все-таки видится с мил-дружком. В других песнях она уходит от «мужа-дурака», который «не робит, только пьет», а «придет до дому — жинку бьет». Вынужденный делать все сам, проученный таким образом, муж переменился, стал беречь жену.

Иногда в песнях слышался голос обездоленной матери. Так, в Раскатихе от А. С. Тюленевой была записана песня о горе матери, обиженней сыном. Правда, горе старой жен-

щины переплетено с болью задавленных, нуждой людей, вынужденных впрягаться в соху. Нельзя не отметить, что этот сюжет бытовал и бытует до сих пор в разных местах и как веселая небылица. А в Зауралье он переосмыслен и воспринимается как семейно-бытовая песня. Спев ее А. С. Тюленева заметила: «Вот как при крепостном праве-то было, вот как мать-то не жалеют сыновья».

Как пониже было города Саратова
Сын на матери пашню пахал,
Молода жена в пристяжке была,
Он стару матушку пристегивал,
Молоду жену придерживал.
Ну-ну, стара матушка,
Постой, отдохни, молода жена.
Он по матушке хлестнул кнутиком,
А по женушке тонким прутиком,
Стара матушка слезно всплакнула,
Молода жена песню грянула.

К семейным бытовым песням по тематике примыкают шуточные и плясовые. По напеву они частые. Разработка тем в них юмористическая. Эти песни создавали и создают хорошее настроение, веселье. Оптимизм их вносил в народную жизнь бодрость, смех, радость.

Основу песен составляют комические жизненные сценки. Но смех их не всегда беззлобен: обличается лень, нерадивость, неумение работать, тяга к хмельному (особенно женщин). В Зауралье хорошо сохранились такие песни, как «Уж как я молода во пиру была», «Я по лугу, а я по лугу», «Было у тещи семеро зятьев», «Во кузнице молодые кузнецы». Интересная песня бытует в Далматовском районе. В XIX веке сходный сюжет записал в этих краях краевед-самоучка А. Н. Зырянов. Песня вышучивает всю округу, подчеркивая самое характерное в каждом селе:

Шутина — на ниточке,
Шевелева — на веревочке,
Катайско — на всех вожжах,
Плетневцы — пельмени варить,
Боровляне-те — татар материть,
Черемисино — обутки носить,

1. «Пермский сборник», Кн. I, М., 1859, стр. 110—111.

Чернояре — рыболовники,
Вернеры — богомольники,
Далматовцы — косые дубосы,
В Притыкиной — арбузы садить,
В Ганиной — по дворам ходить,
В Затече — онучки сушить,
Марково-то на косе, на босе,
По три ленточки у девушек в косе.
Ключевляне-то — богаты мужики,
Песьянцы — тулулы носить,
Чегилево — во самом во бору,
В Юндовой-то бор набирать,
Савиловски девки кросна рвать.

В с. Колташово Кетовского района и дважды в Кургане удалось записать песню о братьях-шутах Фоме и Ереме, которые рьяно берутся за всякое дело и тут же бросают его, так как решительно неспособны ни к чему. Народ-трудоженик видел в Фоме и Ереме паразитов, не умеющих трудиться. Неспособность к какому-либо делу вызывала осуждение людей труда. Именно поэтому в песнях Фома и Ерема всегда погибают. Они изгоняются из жизни, так как ничего полезного и прекрасного не вносят в нее. Лучший вариант сохранился в памяти А. В. Петровой (Курган).

1. Вот приехали два брата
Из родимого села,
Одного зовут Ерема,
А другого-то Фома.
Фу ты, ну ты, лапти гнуты,
А другого-то Фома.
2. У Еремы денег много,
У Фомы пустой карман,
Вот Ерема купил лодку,
А Фома купил челнок.
3. Вот Ерема купил лодку,
А Фома купил челнок,
У Еремы лодка с дыркой,
У Фомы челнок без дна.
4. Вот Ерема стал тонуть,
Фому за ногу тянуть.

1. Припев с последней строчкой строфы повторяется.

Ты, Ерема, не тяни,
Порвешь новые штаны.

5. Тут Ерему съела щука,
А Фому-то крокодил,
Фу ты, ну ты, лапти гнуты,
А Фому-то крокодил.

Широко разошлась по Зауралью песня «Уточка моховая». По происхождению она древняя, в ней упоминаются еще «скоморошки», или «веселые», играющие в гудочек. Позже, когда стиралась память о скоморохах, «скоморошков» заменили сходные по звучанию «комарочки».

По тематике к песням бытовой группы отнесем хороводную песню «Вдоль по улице молодчик идет». Происхождение ее относится по крайней мере к началу XVII века, когда скоморох свободно ходил по улице и под полою носил гусилицы, наделенные магическим даром говорить, даже советы давать. Песня широко представлена в рукописных песенниках XVIII в. и печатных собраниях последующих столетий. Записана она в Зауралье от М. И. Антроповой (Катайский район).

Вдоль по улице молодчик идет,
По широкой удалой идет,
Ой, жги, жги, говори,
По широкой удалой идет.¹
На Иванушке-то синий каftан,
Опоясочка шелковая.
Руковички-то барановые,
А сапожки-то сафьяновые.
На нем шапочка-то бархатная,
А околышек черна соболя.
Под полою-то он гусли несет,
Под правою звончные.
Как струна-то загула, загула,
А другая выговаривает.
Пора молодцу женитьбу давать,
Холостому пора свататься.
Да хороша не идет за него,
Стару бабу брать не хочется.
Если старую старушку брать,

На печи ее в углу держать.
Киселем все подкармливать,
Молоком слегка попаивать.
Как бы бабе сапоги, сапоги,
Пошла б баба в три ноги, три ноги.
Как бы бабе киселя-киселя,
Стала баба весела, весела.
Ой любимая песня моя,
Я любила тебя в девках певать,
Ой, жги, жги, говори.
Я любила тебя в девках певать.

До наших дней донесли зауральцы еще одну интересную песню скоморошьего происхождения. В ней осмеивается лицемерие монастырской жизни. Сто лет назад ее записал в теперешнем Катайском районе учитель А. Я. Кокосов. Тогда песня остро противопоставляла монашеское ханжество и радость обыкновенного мирского веселья, которое приносят с собой скоморохи. В столкновении этом побеждали скоморохи. Сейчас песня во многом изменилась, сократилась, но осталась жить. Ее записали от Е. С. Степакова (Курган):

Круг я келейки хожу,
Круг я новенькой,
Я монашку люблю
Чернобровеньку.
Встань, монашка, встань,
Встань, монашка, проснись,
Вон твой миленький идет,
Графин водочки несет.
— Не могу я встать,
Головы поднять,
Не могу я встать,
Головы поднять.

В Зауралье сохранилось немало старинных народных русских песен, доставляющих истинную радость самим певцам и их слушателям. Поэтому надо собирать и бережно хранить это яркое наследие прошлого, пропагандировать красоту и прелесть народной лирической поэзии.

1. Приведено повторяется через две строки.

СОДЕРЖАНИЕ

- Библиография
1. А. Н. Зырянов. Песни, собранные в Шадринском уезде.
«Пермский сборник», кн. I, М., 1859, стр 110—117.
 2. А. Я. Кокосов. Круговые песни в селе Ушаковском.
Слб., 1869.
 3. В. П. Бирюков. Дореволюционный фольклор на Урале.
Свердловск, 1936.
 4. В. П. Бирюков. Урал в его живом слове. Свердловск, 1953.
 5. А. М. Новикова. Русские народные песни. М., 1957.
 6. Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия.
М., 1971.
 7. Н. П. Колпакова. Русская народная бытовая песня.
М.-Л., 1962.
 8. Русское народное поэтическое творчество. М., 1969.

стр.

1. Народная лирическая песня в Зауралье	2—4
2. Седая древность	4—7
3. Быт, нравы, чувства человека в народной лирике	7—19

Ответственный редактор
кандидат педагогических наук

М. Д. ЯНКО

Ответственный за выпуск
референт Правления областной
организации общества «Знание»

А. Д. СМИРНОВ

ОС 01709 Курганская гор. типография Зак. 876 Тир. 300 экз. Цена 5 коп.